

Новые известия. — 2001. — 11 окт. — С. 7

Поэт в Париже — как в бане пассатижи...

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия»,
Париж

— Почему, прожив почти два десятилетия в Париже, вы решили возвратиться в Москву?

— Будет верным сказать, что ни из одного из моих городов — из Рыбинска, Москвы, Питера или Парижа — я никогда и нигде не уезжал. Они все у меня в сердце, в памяти, в текстах. В этих городах у меня есть близкие люди. Важно то, что происходит в сознании, нет? А где ты существуешь физически — это вторично.

— В 59 лет вы собираетесь начать новую жизнь?

— Вряд ли. Скорее, продолжать давно начатую и никоим образом не прискучившую.

— У вас теперь французское гражданство, от которого вы, наверное, отказываться не собираетесь. В конце концов, если вдруг проснется ностальгия по Парижу, всегда можно вернуться...

— Мне не приходит в голову отказываться от французского гражданства. Так же, как не приходило в голову, после того как женился на француженке и переехал сюда, отказываться от советского, а тем более от чудесного российского гражданства. Грех отказываться от родных корней! Но не менее непростительно в ходе разового пребывания на планете Земля отвергнуть шанс приобщения к культуре других краев и народов.

— Когда-то вы внесли вклад в отечественное издательское дело, пробив, будучи редактором в «Советском писателе», первый посмертный сборник прозы Бориса Пастернака — «Воздушные пути»...

— Не диво — переиздать такого крупного мастера, как Пастернак. Просто созрел уже тогда момент. А мне в редакции было поручено вести рукопись, организовать аппарат к книге. Через питерских друзей вышел на академика Лихачева. Он сочинил бронированное вступление, нашел комментаторов — ученых из Пушкинского дома. Другое дело, что книга вышла без купюр. Но тут была заслуга нашего главного редактора Бузылева, бывшего известнца, кстати. Он грудько защищал книгу.

— Это было в 1982 году, а годом позже вы были из СССР, не досидев дома всего несколько лет до начала перестройки...

— Чрезмерная социальная страстность отличает не всех. Я, к примеру, созерцатель.

— Вы издали пять книг стихов по-русски. Кто ваши читатели?

— Сборник-то готов уже и шестой. Называется будет «Крестовник», по сорняку такому неприхотливому. Хочу издать здесь. А нет, так уже в России... Читатели — те, кому книжки дарю.

— Живя здесь, вы сочинили огромное количество стихотворений о России — ее поэтах, художниках, музыкантах, певцах, актерах...

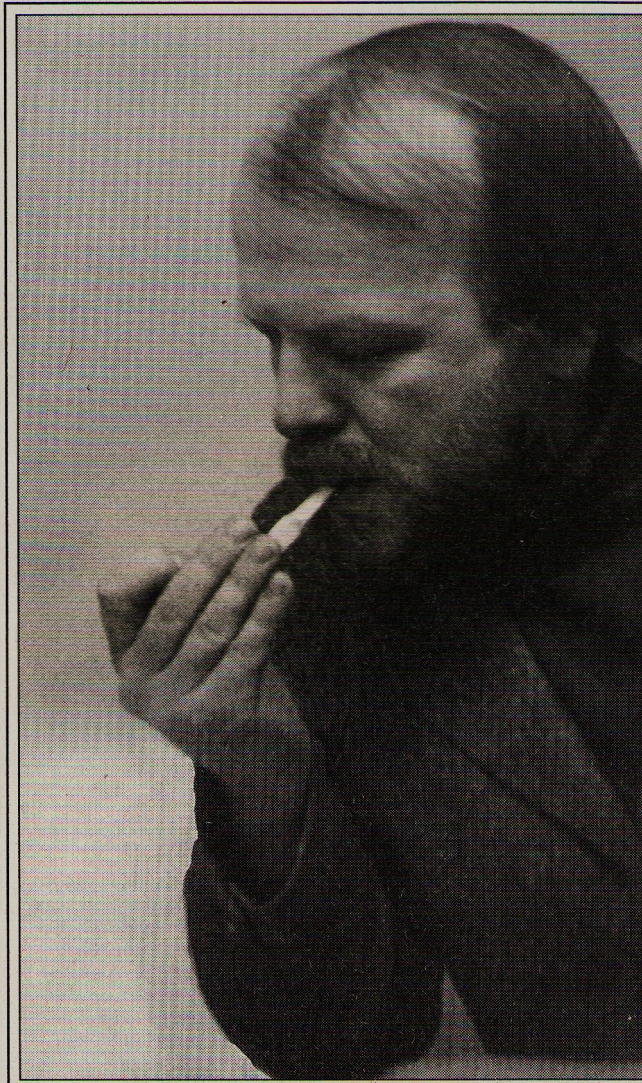
— Это понятно. Пишется о том, чем живешь, о чем раздумываешь. Но поэтический отклик бывает и эмоциональной хроникой. Последних денег не пожалеть, чтобы услышать оперу Мариинки, их часто привозит сюда Валерий Гергиев, или сольный концерт таких блистательных артистов, как Ольга Бородина, Дмитрий Хворостовский... В прошлом сезоне парижане с восторгом открыли для себя выдающегося пианиста Николая Луганского. Все это — слава России! Об этом стихи слагаются сами...

— И поэт вы сугубо русский. Критики пишут о вас как о наследнике русской классики, русского народного стиха, не в последнюю очередь Некрасовского...

— Русская поэзия, как поэзия любой великой литературы, необозрима. Кто в ней ближе? То мик Крылова не выпускаешь из рук. То Державина снимешь с полки. Но читаешь ведь не только исполнено... Вот у нас в издательстве в национальную редакцию ходил когда-то Коля Котенко. Занимался переводами. А мне уже здесь попался на глаза в периодике его оригинальные стихи. Какой тончайший был лирик!.. Или в ЛГУ у нас на скандинавской кафедре был аспирантом Анатолий Либерман. Теперь, через десятилетия, я открыл его для себя как серьезного поэта. Прочел его сборник «Врачевание духа». Отлично звучит!.. Ну а Некрасов — земляк. На Волге и сегодня говорят его языком.

— Сказалась ли на вашем творчестве затянута оторванность от русской среды и языка?

— Еще как! Если в студенческие годы и позднее, когда жил в России, я не озабочивался пред-

Николай Сарафаников родился в волжском городе Рыбинске. После учебы на филфаках МГУ и ЛГУ работал журналистом, редактором в издательстве. Как рецензент печатался в журналах «Москва», «Октябрь», «Знамя» и др. С 1983 года Сарафаников живет в Париже, где издал пять стихотворных сборников — «Кипрей» (1987), «Черствые именины» (1991), «Самсонов день» (1997), «Открытка из Санкт-Петербурга» (1999), «Кровь» (2000). Подготовил и в 2001 году издал книгу стихов и писем искусствоведа Льва Пумпянского «Эрмитаж». Стихи, рассказы, воспоминания и литературно-критические статьи Николая Сарафаникова регулярно появляются на страницах нью-йоркского «Нового журнала», крупнейшего ежеквартальника русской эмиграции, основанного в 1942 году М.Аладановым и М.Цейтлиным.

ложением к публикации своих стихов на случай, эпиграмм и более дельной продукции, все это для филолога — обыкновенное упражнение, гимнастика мозга, то, оказавшись в явственном языковом карантине, рождал книги одну за другой. Род самоутверждения...

— Как вам живется среди парижан? В одном из стихотворений вы называете себя «изгоем», а в другом пишете, что давно не пьете, ибо не с кем... Неужто такое тотальное одиночество?

— Одиночество — состояние души, по формуле. Вопрос темперамента, каких-то черт характера. Проблема, скорее, времени, нежели пространства... Человек, не осуществляющий себя в вечных тусовках, — всегда изгой. Ничего худого в том нет. Главное — гореть! В конце концов существует привилегия самооценки... Парижанам поэты в основном до фени. Французским парижанам — французские поэты, русским — русские. Бытийствуют... Поэзия нужна мало кому, думаю.

— Одними стихами во Франции никогда нельзя прожить, тем паче поэту русскому. Как же вы зарабатываете себе на существование все эти годы?

— Брался за любую работу, которую везло разыскать. Хотя поленился, когда дело касается иммигрантов, оплачивается скудно. Почасовиком мыл посуду в ресторане, работал официантом... В основном, впрочем, мне удавалось зарабатывать преподаванием русского языка в частных учреждениях. Но ориентация делается на более молодых, в любой трудовой сфере. По достижении пятидесяти лет добывать работу все сложнее...

— Ну а сейчас вы превратились в эрзиста — то есть человека, который живет на минимальное пособие примерно в 3000 франков, выплачиваемое самым неимущим. Этих денег достаточно разве только, чтобы не умереть с голоду...

— Мне положили 2200 франков. Но с возрастом потребности становятся скромнее. Положение было бы катастрофическим, если бы в те годы, когда остался один, а с работой было успешнее, я не соорбил открыть в банке так называемый «жилищный план» и не накопил за пять лет сумму, достаточную для приобретения крошечной однокомнатной квартиры. Ибо снять жилье при отсутствии стабильного источника дохода невозможно... Теперь вот про-

бую продать свою скворечню.

— Наш соотечественник — философ и писатель Николай Боков несколько лет прожил во Франции как бож, просил милостыню. Вам это не грозило?

— Нет! В Париже умереть с голоду невозможно. Мне приходилось читать талантливые вещи Бокова, с которым я не знаком лично. Вы не допускаете, что тут у него имела место метафоризация действительности? Насколько знаю, нищенство — прибыльная, не облагаемая налогом профессия повсюду в мире.

— Вам не кажется, что русские эмигранты во Франции создают собственное гетто, в котором они чувствуют себя лучше, чем «на воле»? У многих обилие с французами сведено до минимума: консьержка, лавочник и, если не повезет, фининспектор...

— Большинство моих знакомых из русской среды покупки делают в супермаркетах, а в домах, где они живут, консьержек давно заменили дверные замки с кодами, что существенно снижает для жильцов траты на коммунальные услуги. Общение же, не только с французами, происходит помимо дома, семьи, главным образом по поводу работы и вокруг нее. Ритмы жизни таковы, что общаться особо некогда: дорога — работа — сон. Так пишут в газетах. Так происходит и на самом деле, если повезло разжиться работой. Наверное, в других развитых странах ситуация та же... Ну, а потребность встречаться почаще в родственном языковом кругу для эмигрантов первого поколения естественна. Второе-третье поколение уже адаптировалось, постепенно теряя корни.

— Русские и французы — такие разные. Много ли у нас точек соприкосновения?

— Во французской провинции таких точек обнаруживаешь больше, чем когда находишься в Париже. Но примерно такое же соотношение наблюдается, по-моему, и в России. Жители Москвы и Петербурга заметно отличаются от обитателей других регионов страны. А близость к земле, к природным первоосновам, освобождая людей от балласта, сближает, так ведь? В глубине встречаешь больше крепости, надежности, тепла.

— С кем из великих поэтов вы хотели бы прогуляться по Парижу?

— Почему только с поэтами? Среди парижских праздников у меня бывало множество разыска-

ний, например, о художниках. Когда устанавливал, что вот тут на Монмартре в начале 1860-х годов располагалась мастерская дивного анималиста Николая Сверчкова, чьи полотна хранятся во многих русских и зарубежных собраниях! А вот в том доме возле вокзала Сен-Лазар в 1890-х годах учился рисунку у Фернана Кормона Борисов-Мусатов!.. Город, его камни, история — такой увлекательный мир.

— «Таков художник!.. К небу хочется — / И на земле чтоб повезло! / Диктует быт; рискует творчество / Переродиться в ремесло»... Это ваши строчки. Прожив столько лет во Франции, вы чувствуете себя ближе к небу или к земле?

— Ну, это же неразъемно. И для французов — картезианцев, которым свойственно рациональное мышление. И для русских, для славян вообще, которые часто действуют, подчиняясь власти чувств, вопреки логике. Истина, а к ней-то мы и стремимся, лежит, как водится, посередине.

— Ваш друг, писатель Андрей Макин, который несколько лет назад получил сразу две высшие литературные награды — Гонкуровскую премию и премию Медичи, стал знаменитостью. Нет ли у вас к нему легкой зависти?

— Для творческого человека зависть губительна. Хулио Кортасар недаром называл ее худшим из семи смертных грехов. К Андрею я отношусь с душевной симпатией. Мы всегда с ним дарим друг другу свои книги. Став писать по-французски, он нашел себя, заняв определенную нишу. Наконец, совершил, собственно говоря, подвиг — существует литературным заработком!.. Я же никогда не ставил перед собой цель интегрироваться в литературную жизнь Франции. Пишу по-русски.

— Почему к Макину пока не пришло признание в России? Не потому ли, что он пишет на французском?

— Вы правы. Публикуясь во французских издательствах, Андрей волей-неволей обязан соответствовать определенному соцзаказу: издатели ориентированы на конкретный читательский спрос. В романах Макина представлен свежий ракурс, угол зрения на явления реальности. Это всегда интересно. В России творчество Андрея откроют тогда, когда ему захочется, минув посредников, рассказать то, что будет адресовано именно русскому читателю. За примерами продуктивного билингвизма далеко ходить не надо: Набоков, Жюльен Грин...

— Поэт в Париже меньше, чем поэт... Да есть ли еще здесь поэты?

— Поэт ли, музыкант, артист, художник, вообще всякий творец, независимо от места пребывания и общественного резонанса, сиюминутного признания или отсутствия оного, — всегда больше! Он представитель человечества перед завтрашним днем.

— Вы не только поэт, но и литературный критик. Следите ли вы за тем, что происходит на нашем литературном фронте?

— От случая к случаю. В частности, по отражению в периодике. За модой я не очень слежу. А в поток развлекательного чтения стараюсь не окунаться. Вещам такого рода я положенное отдал два-три десятилетия назад, например, в англоязычном варианте. Меня гармонизируют классики. Их и читаю обычно. А рецензии пишу о переводах с русского и на русский.

— В последние годы во Франции издается невероятно большое количество книг, но есть ли настоящая литература?

— Особенно велик, неохватен поток беллетристики, тут в подоплеке задача — насытить потребность среднего класса, обывателя, на котором держится ритм повседневности. Настоящего никогда не бывает слишком много, литературы в том числе. Но только настоящему любима долгая жизнь. Можно любить или не любить Шекспира, Мольера, Гоголя, без конца скрепя копыта над их наследием, а театр без них немислим... Сказанное о литературе, беллетристике и чтиве не содержит ничего специфически французского. Таков расклад повсюду, где печать свободна.

— Дома вас, наверное, забыли. Неужто вы собираетесь зарабатывать себе на жизнь поэзией?

— Те, кого люблю и кто любит меня, с кем поддерживал связь все эти годы, не забыли. Это единственно важное. А на кусок хлеба я могу заработать преподаванием иностранных языков или переводами. Стихи — это отдушина.